

АЛЕКСАНДР
КАРСКИЙ

•
52-Й
ДРАГУНСКИЙ
НЕЖИНСКИЙ
ПОЛК

.....
РУССКО-
ЯПОНСКАЯ
ВОЙНА

Александр Карский

**52-й драгунский Нежинский
полк. Русско-японская война**

«Алетейя»

2021

УДК 94(47).083.4
ББК 63.3(2)521

Карский А. А.

52-й драгунский Нежинский полк. Русско-японская война /
А. А. Карский — «Алетейя», 2021

ISBN 978-5-00165-191-8

В новой книге Александра Карского, историографа 52-го драгунского (18-го гусарского) Нежинского полка, подробно рассмотрено участие этого полка в боевых действиях во время Русско-японской войны 1904—1905 гг., а также отмечены основные вехи в жизни полка после возвращения с войны. Немало места отведено посещению полка художником Н. С. Самокишем, приведены его зарисовки, сделанные в период боев под Ляояном. В качестве документальной основы своего повествования автор использует труды Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны, полковой «Дневник военных действий», мемуары участников событий и прочую литературу по данному вопросу, газетные и журнальные публикации той поры, а также архивные материалы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Книга проиллюстрирована редкими фотографиями, репродукциями картин и картами. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47).083.4
ББК 63.3(2)521

ISBN 978-5-00165-191-8

© Карский А. А., 2021
© Алетейя, 2021

Содержание

Вводная информация	6
Примечание	7
Часть I	8
1. Отправка 2-й Отдельной кавалерийской бригады в Маньчжурию	8
2. Причины войны	12
3. Философия войны: от «непротивления злу» до «Кодекса Бусидо»	16
4. Офицеры	19
5. Добровольцы	25
6. В пути	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Александрович Карский
52-й драгунский Нежинский
полк. Русско-японская война

© А. А. Карский, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Вводная информация

Полк сформирован как 52-й драгунский Нежинский 16 сентября 1896 года. Для этого по одному эскадрону было выделено от 3-го, 18-го, 24-го, 27-го, 30-го и 36-го драгунских полков. Полковой штандарт простой, без надписи, пожалован Высочайшей грамотой в том же году 5 октября. Полковой праздник – Покрова Пресвятой Богородицы, 1 октября. Место постоянного расположения – город Елец Орловской губернии. Для полка на правом берегу реки Сосна был возведен военный городок – деревянная казарма, манеж и шесть, по числу эскадронов, конюшен.

Первым командиром полка был участник Русско-турецкой войны полковник Владислав Ксаверьевич Топчевский (1896–1899). Хорошую память по себе оставили и последующие командиры – полковники Яков Григорьевич Жилинский (1899–1900), Евгений Алексеевич Панчулидзе (1900–1903). Вместе с 51-м драгунским Черниговским Ее Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Феодоровны полком, расквартированным в Орле, 52-й драгунский Нежинский полк составлял 2-ю Отдельную кавалерийскую бригаду. Бригада эта входила в XVII армейский корпус Московского военного округа.

В ночь с 26 на 27 января 1904 года японские миноносцы атаковали русские военные корабли, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура. Броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич», а также крейсер 1-го ранга «Паллада» были серьезно повреждены. С рассветом подошли главные силы японцев и с дистанции 46 кабельтовых открыли убийственный огонь. В тот же день Тихоокеанская эскадра лишилась сразу двух наиболее современных кораблей, находившихся на рейде корейского Чемульпо – крейсера 1-го ранга «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». 27 января манифест Николая II официально объявил войну. Первые ее недели запечатлелись в истории морскими сражениями, бомбардировками прибрежных русских крепостей, постановками мин и подрывами на них боевых кораблей. Воспользовавшись преимуществом на море, японцы десантировали крупные сухопутные силы в Корею и неуклонно продвигались в северном направлении. Затем они высадились и на Ляодунском полуострове и приступили к осаде Порт-Артура с суши.

Российская армия не успевала оперативно и эффективно реагировать на вызовы противника. Развертывание сухопутной Маньчжурской армии было завершено лишь к 15 марта. Она состояла из двух авангардов, Восточного и Южного, и общего резерва, который располагался в районе города Ляоян. На первом этапе войны основу армии составляли дивизии и отдельные полки из ближайших к месту события военных округов – Сибирского, Забайкальского, Приморского... Однако было ясно, что скоро грядут ожесточенные сражения и этих сил окажется недостаточно. Тогда 20 апреля была объявлена мобилизация трех губерний Киевского и трех губерний Московского военных округов. Масштаб переброски был ограничен пропускной способностью однокорейной Транссибирской магистрали, имевшей к тому же разрыв – озеро Байкал.

По мобилизационному плану из европейской части страны к отправке на Дальний Восток в первую очередь предназначались X и XVII армейские корпуса, а затем еще четыре резервные дивизии. X корпусу (Киевский военный округ, штаб в Харькове) армейская кавалерия не была придана. Так вот и получилось, что из всех драгунских полков Малороссии и Центральной России на театр военных действий отправились лишь два, составлявших 2-ую Отдельную кавалерийскую бригаду XVII армейского корпуса.

Примечание

В настоящей работе цитаты из ранее опубликованных источников (книг, журналов, газетных заметок и статей) набраны печатным шрифтом и отделены от авторского текста.

Набранные курсивом выделенные фрагменты (письма, донесения, приказы, записки из полевых книжек) представляют собой ранее не публиковавшиеся рукописные архивные материалы.

Часть I 1904 год

1. Отправка 2-й Отдельной кавалерийской бригады в Маньчжурию

Начальником бригады в 1904 году был генерал-майор Николай Петрович Степанов. Телеграмму о мобилизации он получил 25 апреля, причем из нее стало известно, что полки выступят в поход в июне. А до того, совсем скоро, в первых числах мая, состоится торжественный царский смотр. На подготовку оставалось совсем мало времени. Началось лихорадочное наведение лоска.

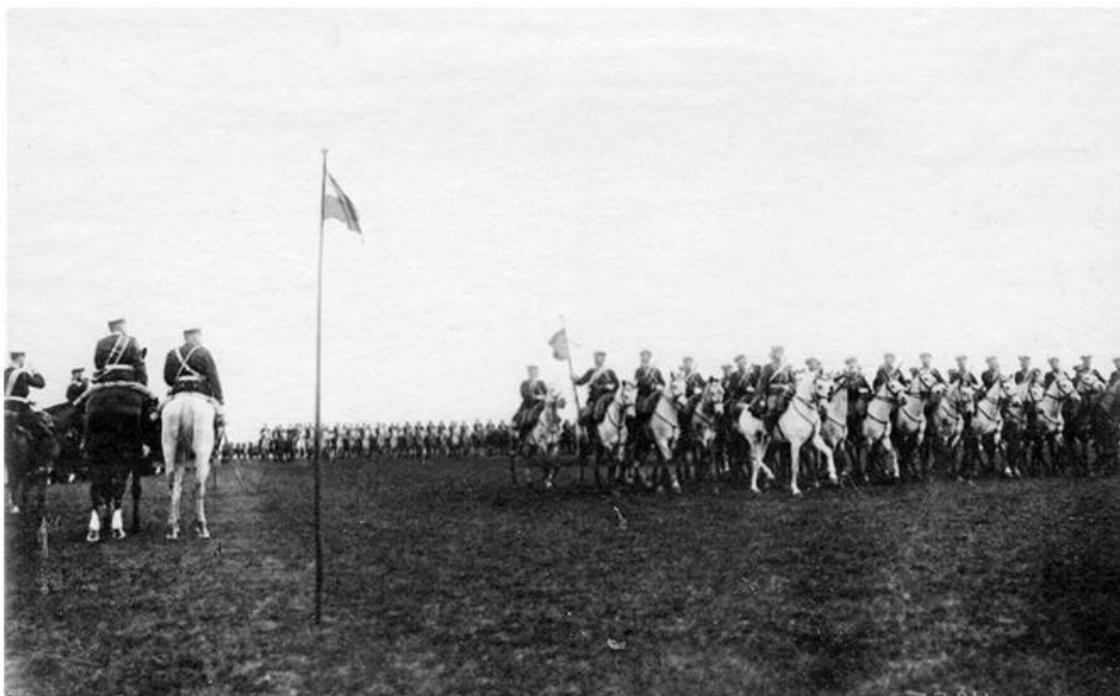
С начала мая к 2-й Отдельной кавалерийской бригаде было приковано повышенное общественное внимание. В губернский город Орел 6 мая для проведения смотра прибыл сам царь вместе со своим братом, Великим князем Михаилом Александровичем, тогда официально считавшимся наследником престола (до рождения Алексея Николаевича, Наследника Цесаревича, оставалось еще около трех месяцев). Событие это оказалось особенно знаменательным, поскольку именно 6 мая был день рождения Императора – ему исполнилось 36 лет. Улицы на всем пути следования кортежа, от вокзала до Петропавловского собора, были украшены государственными флагами, цветами, гирляндами зелени, коврами и щитами с вензелями Николая II. Особенно роскошно были декорированы Московские ворота и здание Городской думы.

Газета «Орловские Губернские Ведомости» через два дня, 8 мая (№ 66), так описывала прошедшее событие:

«На смотровом поле с 7-ми часов утра выстраивались прибывшие, вместе с обозами, в походной парадной форме, полки 2-ой отдельной кавалерийской бригады: 51 Черниговский Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Феодоровны и 52 Нежинский, фронтом к Елецкой платформе... Около 8 часов утра на смотровое поле прибыл верхом генерал-инспектор кавалерии, Великий Князь Николай Николаевич и объехал фронт полков, здороваясь с драгунами. В 8 часов от Елецкой платформы верхом на коне, в сопровождении штаба, показался Августейший командующий войсками Московского военного округа Великий Князь Сергей Александрович. Встреченный командиром бригады, генерал-майором Степановым, Его Высочество объехал фронт войск и здоровался с полками... В 8 часов 15 минут Императорский поезд тихо подошел к Елецкой платформе. Государь Император в сопровождении Государя Наследника вышел из вагона и был встречен и. д. Губернатора, К. А. Балясным, и вице-губернатором. Сев на коня, Его Величество шагом изволил отбыть на смотровое поле... Раздалось громовое ура; трубачи на правом фланге Черниговцев заиграли поход. Его Величество был встречен Августейшим командующим войсками и генерал-инспектором кавалерии. В сопровождении Государя Наследника, Великих Князей и свиты Государь Император начал объезд линии войск, здороваясь с полками. Протяжные звуки похода сменились народным гимном, штандарты склонились и могучее перекатное ура драгун приветствовало Державного Вождя».

Затем состоялось церемониальное прохождение драгун под марш Черниговского полка, сперва поэскадронно, развернутым строем, а второй раз – резервной колонной. При этом на правом фланге следовали командующий войсками округа Великий князь Сергей Александрович, генерал-инспектор кавалерии Великий князь Николай Николаевич и начальник XVII-го корпуса генерал от кавалерии барон А. А. фон Бильдерлинг. «Орловские Губернские Ведомости» продолжают описание:

«По окончании церемониального марша войска снова выстроились в одну линию. Государь Император, выехав на середину фронта и поблагодарив драгун за отличный смотр, изволил поздравить полки с походом и в самых милостивых выражениях высказал уверенность, что драгуны поддержат старую боевую славу своих полков. Затем Государь Император благословил полки иконами Св. Николая Чудотворца, писанными по эмали.

Нежинцы на смотре в Орле. 1904 г.

На оборотной стороне икон, на серебряной дощечке помещена надпись: «Благословение от Их Императорских Величеств 51-му драгунскому Черниговскому полку. Мая 6-го дня 1904 г.». Такая же надпись помещена на иконе, подаренной Его Величеством 52-му Нежинскому полку. Громовым ура отвечали драгуны на напутственное приветствие своего Венценосного Вождя».

В следующем номере губернской газеты (№ 67 от 9 мая) дотошно описывались все подробности дальнейшего пребывания царя в Орле. В частности, Николай II слушал обедню в церкви Черниговского полка, при этом «Верую» и «Отче наш» были исполнены певчими и двумя эскадронами Черниговских и Нежинских драгун. Государь император выразил особенное одобрение этому общему пению. Затем царь проследовал в экипаже к 1-й классической гимназии, оттуда в кафедральный Петропавловский собор и, наконец, отправился на вокзал. Газета сообщала:

«Начиная от церкви Черниговского драгунского полка шпалерами по обеим сторонам пути выстроены были на лошадях оба полка, причем офицеры, присоединяясь к Царскому поезду, составляли как бы конвой

Государя. У подъезда вокзала Его Величество, выйдя из экипажа, снова благодарил гг. офицеров за блестящий смотр и интересовался новой формой летнего обмундирования гг. офицеров, изготовленной ими для похода из рогожки коричневого цвета, не представляющей собой такой верной цели для неприятеля как белые кителя».

Такое внимательное отношение Императора ко 2-й Отдельной кавалерийской бригаде, несомненно, произвело впечатление. Поэтому неудивительно, что офицеры и вольноопределяющиеся, горевшие желанием послужить отечеству и набраться военного опыта, стали добиваться перевода именно сюда. Так, в 52-й драгунский Нежинский полк были переведены: из 22-го драгунского Астраханского полка поручик Кургоко Дударов и корнет Григорий Ферттов, из 24-го драгунского Лубенского полка корнет Андрей Фрейганг, из лейб-гвардии Уланского полка корнеты Николай Стасюлевич и барон Василий Каульбарс. Был даже прикомандированный от Генерального штаба – полковник Сергей Петрович Ванновский.

К началу мая, когда царь отправился лично осматривать назначенные к отправке на войну части, с Дальнего Востока стали доходить известия одно тревожнее другого. После ряда катастроф на море, начались неудачи и на суше. 18 апреля в бою на реке Ялу 1-я японская армия генерала Т. Куроки нанесла поражение Восточному отряду генерал-лейтенанта М. И. Засулича. Это обеспечило с фланга высадку на Ляодунском полуострове 2-й японской армии генерала Я. Оку, которой вскоре удалось перерезать железную дорогу на Порт-Артур. Война приобретала крайне неблагоприятные очертания для Российской Империи.

Главная надежда теперь была на дивизии и бригады, посылаемые из Киевского и Московского военных округов. Головные составы X-го армейского корпуса (штаб в Харькове) отправлялись по железной дороге 5 мая. Поэтому, естественно, Император Николай II начал свою поездку с Харькова. Там 4 мая прошел парад 1-й бригады 31-й пехотной дивизии – полков 121-го Пензенского и 122-го Тамбовского. А на следующий день царь провожал на фронт полки 9-й пехотной дивизии: в Полтаве – 33-й Елецкий и 34-й Севский, а также 9-ю артиллерийскую бригаду, а в Кременчуге – 35-й Брянский и 36-й Орловский. Вот оттуда царь и прибыл 6 июня на смотр в Орёл. Во второй половине того же дня он был уже в Туле, где перед ним прошли полки 2-й бригады 3-й пехотной дивизии (это уже XVII-й армейский корпус Московского военного округа) – 11-й Псковский и 12-й Великолуцкий. Смотр 1-й бригады этой же дивизии прошел на следующий день в Калуге, тут же продефилировали 3-я артиллерийская бригада, 3-й и 35-й летучие артиллерийские парки. Завершилась поездка 8 мая в Рязани, где был проведен смотр 1-й бригады 35-й пехотной дивизии (137-го Нежинского и 138-го Болховского полков) и 35-й артиллерийской бригады. 28 мая эти полки выступили на Дальний Восток, и Нежинским драгунам не раз придется сражаться бок о бок с ними.

За неделю до отправки на фронт 2-й Отдельной кавалерийской бригады, 3 июня, состоялись еще два смотра. Проститься с драгунскими полками прибыл командующий Московским военным округом Великий князь Сергей Александрович с супругой. Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, как известно, была Августейшим шефом 51-го драгунского Черниговского полка. Великокняжеская чета начала своё посещение с Орла. Тут на смотровом поле были выстроены шесть эскадронов Черниговцев, они же и прошли церемониальным маршем в развернутом строю. Затем командующий подъехал к фронту построившихся драгун и обратился к ним с прощальным приветствием. А от Августейшего шефа полка было получено благословение иконой во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

В Ельце в то время еще не было городской газеты, а «Орловские Губернские Ведомости» не осветили должным образом смотр Нежинского полка. Губернская газета на следующий день (№ 88 от 4 июня) лишь поместила краткое сообщение об отъезде Великого князя в уездный город:

«В час дня Его Высочество в сопровождении адъютанта, капитана Джунковского, генерал-майора Шейдемана и полковника Стремоухова изволил отбыть на вокзал для дальнейшего следования в г. Елец, где расположен 52-й Нежинский полк – тоже отъезжающий на Дальний Восток».

Нет сомнения, что и прощание с Нежинцами прошло по тому же сценарию, с такими же построениями и церемониальным маршем, с благословением иконой, с пожеланиями благополучного пути. Вокруг плаца собрались все чины местной администрация, священнослужители, депутация от дворян, городская дума, представители земства, купечества, простые горожане и, разумеется, жены и дети офицеров. Тревога входила в эти семьи.

Отправка Нежинских драгун на Дальний Восток заняла три дня. В пятницу, 11 июня, ушли первые три эшелона (1-й, 2-й, 3-й эскадроны и часть обоза), 12 июня – еще три (4-й и 5-й эскадроны, штаб полка и другая часть обоза), а в воскресенье – последний эшелон, с 6-м эскадроном.

2. Причины войны

Если, отбросив эмоции, спокойно проанализировать копившиеся на Дальнем Востоке противоречия, то можно прийти к заключению, что война явилась следствием ряда серьезных стратегических просчетов руководства Российской Империи. Да, обе Империи, и Российская, и Японская, одинаково стремились к расширению своих зон влияния в Корее, Маньчжурии и на Ляодунском полуострове. Шло активное соперничество и в прибрежных водах Тихого океана. И поначалу казалось, что России сопутствует успех. Право и сила были, вроде бы, на ее стороне. Но если проследить цепочку событий с начала 1890-х годов, то становится ясно, как ряд последовательных ошибок неумолимо влѣк страну к тяжелому международному конфликту.

Отсчет событий, полагаю, следует вести с 25 февраля 1891 года, когда Александр III подписал Высочайший указ, данный министру путей сообщения, о строительстве Транссибирской железной дороги. Дело, безусловно, благое, необходимое для развития Сибири и дальневосточных окраин России. В том же году, 19 мая, во Владивостоке состоялась официальная церемония начала строительства, причем на ней присутствовал цесаревич Николай Александрович: он собственноручно заложил первый камень будущего вокзала и отвез на полотно дороги тачку земли. Колея от Владивостока шла на Хабаровск, поскольку в первоначальных планах не было предусмотрено строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В Архиве внешней политики Российской Империи мне на глаза попала любопытная карта транспортных сообщений на Дальнем Востоке – как по суше, так и по морю. На карте, кроме России, показаны Япония, Корея и, конечно, Китай. Видно, например, что из Владивостока суда ходили и в Шанхай, и в Нагасаки. А вот никакой КВЖД на этой карте нет. Вместо нее показана железная дорога от Забайкалья вдоль границы по Амуру до Хабаровского края и далее на юг, к Владивостокскому порту. Причем ясно, что это проект, отчего схему можно датировать первой половиной 1890-х годов. Глядя на эту карту, невольно думаешь, что события могли бы протекать совсем в другом русле: территории вдоль границы получили бы мощный импульс к развитию, появились бы новые поселки и города с множеством рабочих мест, неуклонно росло бы население. Россия успешно освоила бы уже имевшиеся территории и укрепилась бы на своих естественных рубежах. Не было бы никаких проблем с переброской любых воинских соединений вдоль границ. Страна предстала бы несокрушимой твердыней.

В те годы Япония боролась с Китаем за контроль над Корейским полуостровом. В 1894 году отношения между двумя странами резко обострились, началась война. В сентябре китайские войска потерпели поражение под стенами Пхеньяна. Вскоре японские части форсировали реку Ялу, и война была перенесена на территорию Южной Маньчжурии. Именно тогда нарабатывали опыт оперативного руководства генералы Ояма, Нодзу, Оку, Ноги, Куроки. При этом они превосходно изучили ландшафт и специфику боев в Маньчжурии. В ноябре пала крепость Люйшунь. Китайские войска были окончательно разбиты к весне 1895 года, казна опустошена. На проигравших была наложена огромная контрибуция, победителям передавались земли, которые они пожелали, в том числе и Ляодунский полуостров. Однако под давлением России, Германии и Франции в ноябре 1895 года Япония вернула Империи Цин все полученные территории. Выяснилось: скоординированное давление великих держав – страшная сила. Европейские державы бесцеремонно стали делить Китай на сферы влияния. И вот в марте 1898 года Российская Империя арендовала у Цинской Империи на 25 лет южную оконечность Ляодунского полуострова, где располагались удобные незамерзающие бухты. Так образовалась Квантунская область с портами Дальний (Даляньван) и Порт-Артур (Люйшунь). Именно тогда японское руководство приступило к разработке стратегического плана вытеснения Рос-

сии. Появление поблизости военно-морской базы политическое руководство Страны восходящего солнца посчитало непосредственной угрозой фундаментальным жизненным интересам.

Нужны ли были России незамерзающие порты на восточном побережье Китая? На первый взгляд, ответ очевиден: разумеется! Но о возможной цене, которую придется заплатить Империи, тогда мало кто задумывался. На обустройство новых арендованных территорий потекли миллионы рублей, причем средства, как всегда, отрывались от исконных земель. Население коренных губерний, едва оправившееся от голода 1891–1893 годов, ощутило дополнительную нагрузку, благосостояние его перестало расти. А тем временем в верхах Российской империи уже в открытую заговорили о скором падении династии Цин и о желательности в таком случае присоединения Маньчжурии, для которой уже и название придумали – Желтороссия. В середине 1890-х годов отказались от плана прокладки Транссиба вдоль левого берега Амура. Этот вариант отстаивал генерал-лейтенант С. М. Духовский, Приамурский генерал-губернатор и командующий войсками Приамурского военного округа. Он указывал на огромное «колониционное и базоустроительное значение» Амурской железной дороги. Придворные интриганы твердили, что генерал смотрит на грандиозные государственные задачи слишком узко, намекали, что он печется главным образом о притоке капиталов в свой край. Молодого неопытного царя смогли убедить, что прокладка магистрали к Тихому океану через Маньчжурию сулит государству огромную выгоду: путь выходит короче, построить его получится дешевле и быстрее, да и время в пути значительно сократится. Куда ни глянь – сплошные преимущества. Этот вариант упорно проталкивал министр финансов С. Ю. Витте, считавший, что железная дорога поспособствует мирному присоединению Маньчжурии. Несомненно, такие логические построения страдали недалёковидностью, так как не учитывали важнейшие политические аспекты, да и экономические выгоды были посчитаны, скорее, умозрительно.

Что же получилось в реальности? Строительство КВЖД началось 16 августа 1897 года. После аренды Ляодунского полуострова, естественно, возникло желание сделать ответвление до Порт-Артура. С.Ю.Витте, вроде, забеспокоился и стал возражать. Но против логики развития событий, при исходной ошибочной установке, уже ничего нельзя было поделать. И в июне 1898 года Россия получила концессию на строительство южной ветки КВЖД, впоследствии названной Южно-Маньчжурской железной дорогой. При этом совершенно не учитывалось мнение местного населения. А многие были недовольны хозяйничаньем иностранцев. Объяснение простое: из-за строительства железных дорог, введения телеграфов, роста импорта фабричных товаров теряли работу кустари и труженики традиционных видов транспорта и связи – возчики, тележники, лошадиники, лодочники, носильщики, погонщики, гонцы и посыльные. Кроме того, новые трассы уничтожали поля, мелкие хозяйства, шли напрямик по кладбищам...

В 1898 году на севере Китая начали действовать стихийные мятежные формирования. Наиболее распространенными названиями отрядов повстанцев стали «Ихэцюань» («Кулак во имя справедливости и согласия») и «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»). Конечно, оба эти течения иностранцами отождествлялись. Большинство повстанцев соблюдали устав, содержавший десять правил поведения, а также религиозно-мистические ритуалы, заимствованные от подпольных сект. Ихэтуани были плохо вооружены, однако считали, что истинно верующие защищены от пуль и снарядов, поэтому они могут одолеть врага и голыми руками (за что и были прозваны европейцами «боксерами»). В ходе восстания происходили налёты, грабежи, насилия, убийства миссионеров и китайцев-христиан. В ноябре 1899 года лидер движения ихэтуаней призвал весь китайский народ бороться с иностранцами и династией Цин. Это сильно ударило по КВЖД и особенно по ветке на Порт-Артур: 8 июня 1900 года вдовствующая императрица Цыси официально объявила войну союзным государствам, после чего 23 июня китайские войска и повстанцы атаковали русские посты и приступили к разрушению железнодорожного полотна, мостов, станционных построек. Строители и казаки, отступившие

к Харбину, в основном спаслись. Но те, кто отходил от Мукдена на юг, понесли в неравных боях большие потери. Командира отряда, поручика охранной стражи П. Валевского, пуля сразила под Ляояном, инженер Б. Верховский был захвачен в плен и обезглавлен. Только части российских подданных удалось уйти вдоль реки Тайцзыхэ на восток и пробиться в Корею.

В конце июня началась осада ихэтуанями Харбина, но русские войска в июле предприняли контрнаступление и деблокировали город. Затем генерал Д. И. Суботич разбил китайские части на реке Шахэ. Вскоре во всех главнейших городах Южной Маньчжурии было введено русское военно-гражданское управление. Подсчитали потери и убытки: более половины железной дороги было разрушено. Дорого же она обошлась России! Кстати, в дальнейшем от КВЖД так и не был получен ожидавшийся экономический эффект. В дневнике военного министра А. Н. Куропаткина, в записи от 19 января 1903 года, приведены удручающие цифры:

«...предприятие Витте по устройству восточно-китайской железной дороги и связанных с ней предприятий стоило казне до 400 милл. руб., свыше 150 т. руб. за версту и дают убыток казне уже ныне свыше 25 милл. рублей, а убыток может дойти до 35–40 милл., в том числе 15–20 милл. как процент на затраченный капитал, 10 милл. убытки по эксплуатации и 15 милл. содержание пограничной стражи Заамурского округа...»

Немало места в дневнике военного министра отведено авантюрной, хищнической деятельности статс-секретаря, действительного статского советника А. М. Безобразова, занимавшегося концессиями на лесоразработки вдоль реки Ялу, на корейско-маньчжурской границе. Предполагалось создать там полосу земли труднопроходимой и пустынной, для разделения с японцами сфер влияния. Однако министр заметил:

«...стоящие непосредственно у дела лица об идеалах не думают, а извлекают себе личные выгоды».

При этом он дает убийственные характеристики статс-секретарю: «удивительно развязный», «Хлестаков начала XX столетия». Но куда более серьезно следующее наблюдение (от 16 марта 1903 года):

«...предприятие на Ялу, которое могло бы стать государственно важным предприятием, этим вредным фантазером делается как бы личным предприятием государя, идущим в разрез с мероприятиями и приказаниями государя, отдаваемыми им своим министрам... В результате всех деяний Безобразова явились на Дальнем Востоке две политики – “императорская” и “безобразовская”. Очевидно, японцы тревожатся, китайцы тоже и готовят протест».

В итоге лесное предприятие на реке Ялу провалилось: в конце года вместо обещанных казне миллионных барышей обнаружилось только одно нагруженное лесом зафрахтованное судно. При этом японцы были вне себя от подобной экспансии. Вот и повод к войне! Переговоры в Санкт-Петербурге о разделении сфер влияния в Корее к началу 1904 года зашли в тупик...

В Российской Империи были разные подходы к возникавшим проблемам. Наместник на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев (многие относили его к «безобразовской клике») считал, что японцы блефуют, что они никогда не решатся начать войну, и при этом проявлял крайнюю враждебность к Японии. А вот генерал-лейтенант Д. И. Суботич, герой Китайского похода 1900 года, член Военного Совета, считал, что России вообще нечего делать в Маньчжурии. В октябре 1903 года он обратился с письмом, озаглавленным «Задачи России на Дальнем Востоке», к военному министру А. Н. Куропаткину. В послании он представил несколько, на первый взгляд, парадоксальных утверждений, которые, тем не менее, обосновал

с помощью экономических расчетов. Он утверждал, в частности, что России не нужны замерзающие порты в Желтом море, так как страна может обходиться вообще без внешней торговли на южном направлении, к тому же в Сибири нет избытка ни собственной продукции, ни активного населения. А затраты на Маньчжурию – на железную дорогу, на сооружение порта Дальнего и укрепление Порт-Артура, на усиление военного флота – составят не менее миллиарда рублей. Содержание тут войск и экипажей военных кораблей обходится не менее чем в 200 тысяч рублей ежедневно. По мнению генерала, лучше было бы использовать эти средства на развитие своих народных и экономических сил. Что касается торговли с Северо-Американскими соединенными штатами и Канадой, то для этой цели Владивосток больше подходит, и хотя порт и замерзает на 2–3 месяца, но при современных ледоколах это не препятствие. В конце письма генерал делал жесткий вывод:

«...нам необходимо ликвидировать свое предприятие в Маньчжурии, ликвидировать возможно скорее и возможно полнее и тщательнее».

Разумеется, нет пророков в отечестве – и к этим словам не прислушались. Что любопытно, в предвоенной периодике нет ни одной статьи или хотя бы газетной заметки, в которой высказывалось бы сомнение в успешности возможной войны с Японией. Еще бы! Цензура, как всегда, стремилась ввести единомыслие! Не видеть в Японии сильного соперника – было распространенным заблуждением.

Тем временем японское руководство серьезно готовилось к войне. Усиливался флот, обучалась пехота, наращивалась артиллерия. Изучался опыт боевых действий на Маньчжурском театре военных действий во время последней войны. И велось пристальное наблюдение за Россией. Просто поразительно, насколько японцам удалось точно подметить и глубоко проанализировать ряд уязвимых мест в позиции могучего соседа. На карту была поставлена судьба страны, поэтому расчеты и планирование выполнялись с исключительной тщательностью.

Принимался во внимание и самурайский дух тогдашних японских вооруженных сил – армии и флота.

3. Философия войны: от «непротivления злу» до «Кодекса Бусидо»

В дневнике графа Л. Н. Толстого, в записи от 29 апреля 1904 года, отмечено:

«Все это время писал еще прибавление к статье о войне. Нынче кончил и доволен ей...»

Первые наброски статьи на животрепещущую тему яснополянский старец сделал еще 30 января, спустя три дня после объявления войны. 19-го марта отдал материал в переписку. Затем правил, делал вставки и уже после отправки рукописи дописывал прибавления. Под первым прибавлением поставлена дата 30 апреля (итого работа заняла ровно три месяца), но было еще и второе прибавление, помеченное 8-м мая. В окончательном варианте статья названа «Одумайтесь!».

Писатель, хоть и находился большую часть времени в Ясной Поляне, был весьма информированным человеком. Мыслил независимо и бесстрашно, в соответствии с собственными идеалами, и привычный для большинства миропорядок представлялся ему ненормальным, весьма далеким от совершенства. К примеру, вот каково было его мнение о посещении Императором войск, намеченных для похода в Маньчжурию (написано это еще до Высочайшего смотра в Орле 6-го мая):

«Газеты пишут, что при встречах царя, разъезжающего по России гипнотизировать людей, отправляемых на убийство, проявляется неопиcуемый восторг в народе. В действительности же проявляется совсем другое. Со всех сторон слышатся рассказы о том, как там повесилось трое призванных запасных, там еще двое, там оставшаяся без мужа женщина принесла детей в воинское присутствие и оставила их там, а другая повесилась во дворе воинского начальника. Все недовольны, мрачны, озлоблены. Слова: «за веру, царя и отечество», гимны и крики «ура» уже не действуют на людей, как прежде...»

Эта картина резко контрастирует с той, которая, по сообщениям иностранных информационных агентств, наблюдалась в противоположном лагере. Япония была охвачена небывалым милитаристским подъемом. В обществе давно уже укрепилось стремление поставить Россию на место, отомстить за ее оскорбительное отношение к Стране восходящего солнца как к второстепенной державе. Там тоже люди шли на суицид. Так, в знак протеста кончали жизнь самоубийством добровольцы, которых по каким-либо причинам не брали в армию. Об этом со ссылкой на телеграммы из Токио поведал Н. Г. Гарин-Михайловский в своем «Дневнике во время войны». Газеты сообщали также о жертвенном самоубийстве 63-летней «матери-патриотки». В предсмертном письме к сыну, поручику Судзуки, были такие слова:

«Если я буду дольше жить, то зря буду занимать место в твоей душе, и ты из-за этого можешь отставать от других на фронте. А если так, то нет большей неверности государю. Поэтому я и решила покончить с собой, чтобы под сенью листьев и трав услышать о твоём ратном подвиге».

Не последнюю роль в формировании духа японского воинства сыграли традиции и средневековые предания. Уникальным носителем древней мудрости, явившейся результатом многовекового осмысления военного опыта, был «Кодекс Бусидо» («Путь благородного воина»). Собственно, это учение складывается из трудов нескольких средневековых авторов. Вряд ли о них были достаточно осведомлены в России в начале XX века. И напрасно! Кодекс содержит

немало философских положений, моральных установок и практических советов по военному мастерству, с которыми было бы полезно ознакомиться любому.

Для примера, приведу несколько изречений воина-мыслителя Ямомото Цунэтомо:

«Путь самурая обретается в смерти. Когда для выбора имеются два пути, существует лишь быстрый и решительный выход – смерть. Будь тверд в своей решимости и иди вперед. Умереть, не достигнув цели – это действительно фанатизм. Но в этом нет бесчестия. Но не добиться своей цели, отступить и продолжить жить – это трусость.

Настоящий мужчина не думает о победе или поражении. Он безрассудно бросается вперед – навстречу смерти.

В течение всей своей жизни каждый день продвигайся вперед, становясь более умелым, чем вчера, более умелым, чем сегодня. Этот путь никогда не заканчивается.

Мужество заключается в том, чтобы, стиснув зубы, идти вперед, не обращая внимания на обстоятельства.

Настоящие мудрость и храбрость рождаются из сострадания. Когда человек наказывает кого-то или стремится к чему-нибудь, неся сострадание в своем сердце, то всё, что он делает, будет правильным и обладающим безграничной силой.

Что важно, чтобы быть самураем: развивать свой ум, поощрять в себе человечность и укреплять храбрость.

Сначала выигрывай, сражайся потом.

Сначала намерение, затем – просветление.

Не существует ничего невозможного.

О достоинствах и недостатках предков можно судить по поведению их потомков. Человек должен поступать таким образом, чтобы проявились хорошие качества его предка, а не плохие. В этом заключается уважение к предкам.

О достоинстве говорит спокойное выражение лица. Достоинство проявляется в немногословности. Есть достоинство в безукоризненности манер. В основе всего этого простота мышления и сила духа».

В противовес этому русское богоискательство, в лице его выдающегося представителя, графа Л. Н. Толстого, некогда офицера, выдало нечто совсем иное. Вот несколько цитат из начальных глав его уже упомянутого публицистического сочинения «Одумайтесь!»:

«Опять война. Опять никому не нужные, ничем не вызванные страдания, опять ложь, опять всеобщее одурение, озверение людей.

Не могут просвещенные люди не знать того, что поводы к войнам всегда такие, из-за которых не стоит тратить не только одной жизни человеческой, но и одной сотой тех средств, которые расходуются на войну... Все знают, не могут не знать главного, что войны, вызывая в людях самые низкие, животные страсти, развращают, озверяют людей.

Правительство возбуждает и поощряет толпы праздных гуляк, которые, расхаживая с портретом царя по улицам, поют, кричат «ура» и под видом патриотизма делают всякого рода бесчинства. И по всей России, от дворца до последнего села, пастыри церкви, называющей себя христианской, призывают того Бога, который велел любить врагов, Бога-Любовь на помощь делу дьявола, на помощь человекоубийству.

И одуренные молитвами, проповедями, воззваниями, процессиями, картинами, газетами, пушечное мясо, сотни тысяч людей однообразно одетые, с разнообразными орудиями убийства, оставляя родителей, жен, детей, с тоской на сердце, но напущенным молодечеством, едут туда, где они, рискуя смертью, будут совершать самое ужасное дело: убийство людей, которых они не знают и которые им ничего дурного не сделали... Остающиеся же дома радуются известиям об убийстве людей и, когда узнают, что убито японцев много, благодарят за это кого-то, кого они называют Богом.

И всё это не только признается проявлением высоких чувств, но люди, воздерживающиеся от таких проявлений, если они пытаются образумит людей, считаются изменниками, предателями и находятся в опасности быть обруганными и избитыми озверевшей толпой людей, не имеющих в защиту своего безумия и жестокости никакого иного орудия, кроме грубого насилия».

Статья была опубликована в британской газете "Times" 27 июня 1904 года (по российскому календарю – 14 июня), когда эшелоны 52-го драгунского Нежинского полка были уже в пути. Разумеется, офицеры нигде – ни в пути, ни уже по прибытии в Маньчжурию – не имели возможности познакомиться с этим сочинением. В России оно было сразу же запрещено, но некоторые газеты – «Русский Листок» (20 июня), «Новое Время» (21 июня), «Гражданин» (24 июня), «Московские Ведомости» (27 июня) – поместили критические отклики. Однако понять, из-за чего все-таки разгорелся сыр-бор, было трудно, оставалось только предполагать, что дело в пацифизме, в известном толстовском «непротивлении злу насилием». А вот в Стране восходящего солнца центральные газеты и журналы оперативно познакомили читателей с кратким содержанием памфлета. Видимо, рассчитывали подчеркнуть слабость духа и небоеспособность противника. Но ведь русский писатель критиковал и призывал одуматься обе стороны. И это нашло отклик в охваченной милитаризмом Японии. Оказывается, в ней уже нарастало антивоенное движение («хеймин ундо», что переводится как «движение простых людей»): первые митинги против надвигающейся войны прошли еще осенью 1903 года. А 7 августа (25 июля по ст. ст.) 1904 года социалистическая газета «Хеймин симбун» опубликовала полный перевод «Одумайтесь!» под заголовком «Трактат Толстого о Русско-японской войне». Потом выпустили несколько дополнительных тиражей этого номера, а также и отдельную брошюру, которая разошлась в нескольких десятках тысяч экземпляров. Неслыханно для страны самураев!

И тем не менее – война началась, и решение накопившихся противоречий легло на плечи военных. Теперь всё зависело от их воли, упорства, выдержки, способности переносить тяготы и умелого владения оружием. Офицеры-Нежинцы, думается, тогда могли бы поспорить с графом Л. Н. Толстым. Они, профессиональные воины, скорей всего, не были знакомы с «Бусидо», однако, несомненно, имели четкие представления о чести, благородстве и необходимости жертвенно служить Отечеству.

4. Офицеры

Мало кто из кавалеристов в начале XX века имел реальный боевой опыт. Не обладали таковым и большинство офицеров 52-го драгунского Нежинского полка. Всего несколько человек, как говорится, понюхали пороху. Так, подполковник персидский принц Али Кули Мирза (р. 2 мая 1854 г., Шуша, Нагорный Карабах) вскоре после окончания Тифлисского кадетского корпуса (в 1875 г.)

принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в составе 164-го пехотного Закавказского полка, был ранен в кисть левой руки. За отличие в боях награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». После войны перешел в кавалерию, в 17-й драгунский Северский Его Величества Короля Датского полк, затем, по окончании курса Офицерской кавалерийской школы, был направлен в Орел для прохождения службы в 51-м драгунском Черниговском полку (ВП от 12 ноября 1896 г.). И уже оттуда его перевели в Елец, в 52-й драгунский (ВП от 26 июля 1903 г.). К этому времени у него появился еще ряд наград: ордена Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, орден Св. Анны 3-й степени, орден Св. равноапостольного князя Владимира 4 ст. с бантом и персидский орден «Шири Хуршид» («Льва и Солнца»). Персидский принц Али Кули Мирза был незаурядной личностью: он любил книги, изучал языки, увлекался верховой ездой, охотой и особенно фотографией.

Подполковник Али Кули Мирза

Двум другим подполковникам, Николаю Николаевичу Мирбаху и Владиславу Валериановичу Нарбутту, помощнику командира полка по хозяйственной части, повоювать не удалось. Своего положения они достигли обычным усердием и исполнительностью. В Елец они попали в разное время и разными путями: В. В. Нарбутт вместе со своим эскадром 18-го драгунского Клястицкого полка в 1896 году при формировании нового драгунского полка, а Н. Н. Мирбах – по переводу из 24-го драгунского Лубенского полка в мае-июне 1903 года.

Подполковник В. В. Нарбутт

Перед самой отправкой на фронт, 8 июня 1904 года, к 52-му драгунскому Нежинскому полку был прикомандирован полковник Генерального штаба Сергей Петрович Ванновский, сын генерала от инфантерии Петра Семёновича Ванновского (1822–1904), военного министра (1881–1898) и министра народного просвещения (1901–1902) Российской Империи. Этот тридцатипятилетний штаб-офицер успел проявить себя в боях на границе с Афганистаном. Еще будучи капитаном, в 1893 году, он в составе Памирского отряда участвовал в рекогносцировке ханства Рошан. Группа Сергея Ванновского (20 человек) прошла по долине реки Бартанг с целью политической демонстрации прав России на Рошан. У таджикского кишлака Иму смельчакам в течение нескольких дней пришлось сдерживать на неукрепленной позиции осаду превосходящих сил афганцев. Позже, в 1900 году, уже в звании подполковника, С. П. Ванновский участвовал в Китайском походе, а затем, вернувшись в Санкт-Петербург, стал правителем дел по учебной части Офицерской кавалерийской школы.

В полку был еще один офицер с серьезным боевым опытом – ротмистр Алексей Яковлевич Загорский. В двадцатилетнем возрасте, будучи унтер-офицером, он принял участие в Русско-турецкой войне. За мужество и храбрость в боях под Филиппополем 3–5 января 1878 года был награжден Знаком отличия Военного ордена 4-й степени. Затем окончил Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище, Высочайшим приказом от 14 января 1881 года произведен в корнеты. Долго служил в 9-м гусарском (27-м драгунском) Киевском полку. В сентябре 1896 года его эскадрон был выделен на формирование 52-го драгунского Нежинского полка, после чего он был произведен в ротмистры (ВП от 15 марта 1897 г.) и вскоре утвержден командиром 5-го эскадрона. Из наград за всё прошедшее время появилась только светло-бронзовая медаль в память Русско-турецкой войны и орден Св. Станислава 3-й степени за выслугу лет.

Остальные ротмистры, судя по их послужным спискам, боевого опыта вовсе не имели. Командир 1-го эскадрона Илья Иванович Смирнов, начав в 1883 году службу корнетом в 30-м драгунском Ингерманландском полку, был переведен штабс-ротмистром в 52-й драгунский

Нежинский полк (ВП от 12 ноября 1896 г.) и вскоре тут стал ротмистром (ВП от 15 марта 1897 г.). Но выше по служебной лестнице не продвинулся.

2-й эскадрон штабс-ротмистр Константин Васильевич Дараган (р. 14 мая 1875 г.) принял в начале 1904 года, и лишь три месяца спустя, 12 апреля, двадцативосьмилетний офицер был произведен в ротмистры.

Командир 3-го эскадрона ротмистр Николай Петрович Коломнин (р. 26 мая 1863 г.) посвятил военной службе всю свою жизнь. Выпускник Орловской Бахтина военной гимназии (1881 г.), он в 1883 году окончил по первому разряду полный курс наук в Николаевском кавалерийском училище и затем прошел путь от корнета до ротмистра в 24-м драгунском Лубенском полку. В октябре 1895 года его командировали в Офицерскую кавалерийскую школу, однако, ввиду перехода школы на новое положение, в августе следующего года его отчислили и вернули обратно в полк. А вскоре, в октябре 1896 года, вместе со своим эскадронам он был отправлен на формирование 52-го драгунского Нежинского полка. И с тех пор никакого продвижения по службе.

Ротмистр К. В. Дараган

Командир 4-го эскадрона ротмистр Александр Дмитриевич Дросси (р. 28 августа 1866 г.) был утвержден в этой должности 16 мая 1900 года. По окончании в 1891 году Елисаветградского кавалерийского юнкерского училища направлен корнетом в 18-й драгунский Клястицкий полк. В 52-й драгунский Нежинский полк переведен штабс-ротмистром 5 января 1897

года. Через два года был произведен в ротмистры (ВП от 15 марта 1899 г.) и 9 октября принял эскадрон.

И командир 6-го эскадрона, поляк Карл-Болеслав Тупальский (р. 16 апреля 1870 г.), выпускник Николаевского кавалерийского училища (1891 г.), тоже попал в 52-й драгунский Нежинский полк из 18-го Клястицкого. Случилось это в октябре-ноябре 1896 года. После этого он перебивал на разных должностях: хозяина офицерского собрания, заведующего полковой учебной командой. Приходилось ему временно командовать и 1-м, и 2-м, и 3-м, и 4-м эскадронами. Наконец, он был произведен в ротмистры (ВП от 12 июня 1902 г.) и в том же году 8 июля утвержден в должности командира 6-го эскадрона.

Все ротмистры, кроме А. Я. Загорского, носили всего лишь по одному скромному ордену Св. Станислава 3-й степени, разумеется, без мечей и банта. У некоторых имелась еще серебряная медаль в память царствования Императора Александра III. И это – всё! Отсутствие боевых наград красноречиво говорило об отсутствии боевого опыта.

Зато у командира Нежинцев полковника Павла Александровича Стаховича (р. 14 января 1865 г.) вся грудь была в орденах и медалях. Карьера его складывалась весьма успешно: он был, что называется, баловнем судьбы. Его отец, Александр Александрович Стахович (1830–1913), не принадлежал к древней родовитой знати (сын артиллерийского капитана), после окончания Николаевского кавалерийского училища начал службу лейб-гусаром, затем удачно женился на дочке генерала, фрейлине Двора Ольге Павловне Ушаковой и со временем дослужился до шталмейстера Двора. Думается, причина его успехов крылась, в первую очередь, в природном уме и в талантливость живой, энергичной природы. В своем селе Пальна он устроил конный завод, с увлечением разводил орловских рысаков и чистокровных английских скакунов. Отсюда, думается, и любовь его многочисленных детей к лошадям. Помимо лошадей, Александр Александрович превосходно знал театр, был прекрасным чтецом и актером-любителем, дружил с артистом М. С. Щепкиным, часто посещал Л. Н. Толстого в Ясной Поляне (даже подарил сюжет «Холстомера»). Его дочь, Софья, совершала с писателем верховые прогулки, сдружилась со своей сверстницей Татьяной Толстой и на долгие годы стала своим человеком в семье графа.

А Павла Стаховича в 9 лет зачислили пажом к Высочайшему Двору, затем последовало обучение в престижном Пажеском корпусе – и производство в корнеты, в Кавалергардский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полк (14 августа 1884 г.). Через три года его приняли в Николаевскую Академию Генерального штаба. Курс наук в Академии окончил по 1-му разряду и был причислен к Генеральному штабу. Потянулись будни штабной работы, разнообразие в которые внесло недолгое цензовое командование эскадрона в 3-м драгунском Сумском полку да прикомандирование на полгода (в 1899 г.) к 52-му драгунскому Нежинскому полку для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства. Затем началась более интересная жизнь: числясь делопроизводителем в канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба, полковник П. А. Стахович побывал в командировке в Южной Африке, где наблюдал за действиями британских войск на первом этапе Англо-бурской войны. Вследствие этого в 1901 году получил от короля Великобритании Эдуарда VII памятную медаль. Следует заметить, что к этому времени он собрал уже довольно значительную коллекцию отечественных наград: ордена Св. Станислава и Св. Анны, оба 3-й степени, орден Св. Владимира 4-й степени, серебряную медаль в память царствования Императора Александра III и еще две медали в память коронаций 1883 и 1896 годов, в которых он принял участие. Иностранцы регалии тоже не обходили стороной: был пожалован офицерский крест французского ордена Почетного Легиона (1897 г.), болгарский орден Св. Александра 3-й ст. (1898 г.), бухарский орден «Золотой звезды» 2-й ст. (1902 г.). Удивительно! Награды сыпались одна за другой, хотя герой в сражениях не участвовал. 6 декабря 1903 года полковник получил очередной орден – Св. Владимира, более высокой, 3-й степени. А через

две с половиной недели, 24 декабря, он был Высочайшим приказом назначен командиром 52-го драгунского Нежинского полка. Правда, к месту нового служения он отправился только 19 января 1904 года, прибыл же и принял полк 23 января, за четыре дня до начала войны.

Полковник П. А. Стахович

Широко известен снимок, на котором запечатлены офицеры полка, расположившиеся в три ряда у кирпичной стены. Такие фотографии обычно делали возле казармы, однако известно, что полковая казарма в то время была деревянной. Поэтому остается вопрос: где был сделан этот кадр? На всех офицерах летняя походная форма, на многих фуражки с опускающейся на плечи материей, призванной защитить затылок и шею от жаркого маньчжурского солнца. В первом ряду, в центре, разумеется, сидит командир полка – полковник П. А. Стахович. Справа от него – помощник по строевой части подполковник Али Кули Мирза, слева – помощник по хозяйственной части подполковник В. В. Нарбутт. Также в первом ряду видим всех ротмистров, адъютанта полка и священника. Во втором ряду стоят штабс-ротмистры и поручики, а корнеты расположены над ними, в третьем ряду. Не все еще идентифицированы.

Перед отправкой на фронт. 1904 г.

5. Добровольцы

После сдачи выпускных экзаменов в учебных заведениях в полк прибыло пополнение из вольноопределяющихся. Многие приехали в конце мая, но некоторые, видимо, добрались только в начале июня, перед самым отъездом. Едва молодые люди переоделись в драгунскую форму – решено было их сфотографировать. Причем в ателье делались не просто снимки на память. Судя по всему, кадры изначально готовились для печати. И действительно, некоторые фотографии впоследствии были помещены в иллюстрированном прибавлении № 54 к «Московскому Листку» № 192 (от 11 июля 1904 года).

Волнующее это дело – листать старые пожелтевшие страницы газеты. Интересующий нас номер посвящен печальному событию – кончине 2 июля, в Баденвейлере, А. П. Чехова. Но на некоторых страницах размещены крупные фотографии с группами военных в драгунской полевой форме.

Вот одна из них. Кто-то сидит на диванчике, кто-то присел на тумбочки, небрежно задрапированные материей. Несколько человек стоят, один прилег. За ними – стена ателье с нарисованными полями и редкими деревцами. Все уже при оружии: вперед выставлены грозные драгунские шашки. Всего мы видим 13 человек. Они пронумерованы. Под фото перечислены фамилии, однако, не обошлось без ошибок: тут и опечатки, и инициалы указаны далеко не у всех, а три персоны, как я докажу, и вовсе перепутаны. Приведу детальный анализ фотографии.

Прежде всего: что это за молодой офицер (№ 7), сидящий в центре? Подписи верить нельзя: под № 7 значится Жуковский, а такого офицера в полку не было. Читаем рядом: «б) корн. Хокольский...» Действительно, служил в полку в 1904 году корнет Фёдор Хакольский. Только видно, что № 6 – это на самом деле вольноопределяющийся Борис Романов, из Императорского училища правоведения. На отдельном снимке пяти выпускников этого училища он стоит крайним справа.

Итак, выявлена распространенная в газетах ошибка: в подписи под снимком путаница. Становится понятно, что сидит в центре корнет Фёдор Хакольский, за ним стоит Борис Романов, а впереди, в папаше, на которую ретушер нанес цифру 5, разлегся вольноопределяющийся Жуковский. Что касается остальных участников съемки, то они названы точно.

Но почему корнет Фёдор Хакольский в центре этой группы? Он окончил Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище, после чего был выпущен в 29 драгунский Одесский полк эстандарт-юнкером. В июне 1899 года произведен в корнеты, а 23 апреля 1901 года переведен в Елец, в Нежинский полк. Как видим, опыта службы у него уже хватало. И тут возникает догадка: очевидно, корнет был приставлен к молодежи, обучал пополнение, в основном из гуманитарных вузов, основам военного дела. Потому-то ему и отвели почетное место в середине, на диванчике!

Теперь можно рассмотреть и другие персоналии.

Вольноопределяющиеся

№ 1 – Фёдор Фёдорович Цирус. По виду уже вполне зрелый мужчина, с густыми усами, в очках с круглыми металлическими оправками. На правой стороне груди виден знак, свидетельствующий об окончании какого-то высшего учебного заведения. В его наградном листе указано, что он – охотник в 4-м эскадроне. А награжден он будет Знаком отличия Военного ордена св. Георгия 4-й степени за бой 26 сентября 1904 года у деревни Тадусанпу, на реке Шахэ. Он примет участие и в набеге на Инкоу, о чем рассказ далее.

№ 2 – Евгений Евгеньевич Измайлов, вольноопределяющийся 6-го эскадрона. В Центральном Государственном Историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) о нем и его товарищах по Училищу правоведения удалось собрать множество любопытнейших документов. Например, стало известно, что Евгений родился 14 февраля 1882 года в Москве, рано лишился отца, отставного штабс-капитана. После 4-го класса Московской классической гимназии в 1896 году был переведен в подготовительный класс ИУП. За содержания сына в училище вдова платила немалые по тем временам деньги – 700 рублей. А в результате – вместо юридической карьеры молодой человек в патриотическом порыве выбрал опасную службу драгуна.

Волонтеры 52 Нежинского драгунского полка из Императорского училища правоведения: кн. Трубецкой, Аннибал (убит), Измайлов, Лонгинов, Романов

№ 3 – князь Андрей Васильевич Трубецкой. Родился 8 ноября 1882 года баловнем судьбы, поскольку принадлежал к славной своей историей и традициями знатной фамилии. Его отец, князь Василий Андреевич Трубецкой, в начале XX века был камер-юнкером Высочайшего Двора. Сам князь Андрей, однако, выдающимися способностями не отличался. Поначалу он весьма посредственно учился в Александровском лицее, немецкий язык ему совершенно не давался, да и по английскому письменному, при двенадцатибалльной системе, с трудом вытянул на 5. После 6-го класса отец забрал его из Лицея и подал документы в Императорское училище правоведения. Там встревожились. Сомнения вызывало поведение молодого человека. За племянника ручался дядя, полковник Генерального штаба князь Николай Трубецкой. Тем не менее, возникла конфиденциальная переписка между двумя учебными заведениями. Директор Лицея, шталмейстер А. П. Саломон, уверял:

«Трубецкой мальчик очень способный. Никаких предосудительных поступков не совершил и родители взяли его совершенно добровольно, без какого-либо указания, а тем более давления со стороны лицейского начальства. По характеру своему Трубецкой не принадлежит к числу натур пассивных, сразу поддающихся влиянию; но свойственная ему самостоятельность не переходит в строптивость, лишаящую возможности на него воздействовать».

Довольно витиевато. А вот инспектор лицея рубанул прямо:

«Во всяком случае характер трудный».

Тем не менее, князь Андрей был принят в ИПУ и в 1904 году его закончил, между прочим, предпоследним по успеваемости. Видно, в правоведы его не тянуло – и он, вместе с четырьмя своими одноклассниками, устремился в 52-й драгунский Нежинский полк.

№ 4 – Трофим Старча (в газете ошибочно напечатано – Старче, при этом указано, что он унтер-офицер). Можно уточнить – взводный унтер-офицер 3-го эскадрона. На груди у него виднеется знак какого-то учебного заведения, а также свисток на плетеном шнурке, который пристегнут к этому знаку и, видимо, еще к карманной пуговице. Думается, унтер-офицер Старча помогал корнету Хакольскому обучать прибывшую молодежь нелегкому драгунскому

делу. Сам он был отличным воином и единственный из всего полка получил за войну все четыре солдатских Георгиевских креста. Дослужился он до вахмистра своего эскадрона.

№ 5 – Путаницу в подписях удалось распутать, поэтому можно считать установленным фактом, что полулежит на переднем плане, в папаше, вольноопределяющийся Николай Жуковский. Что он делал на войне, установить не удалось, однако ЗОВО 4-й степени он все-таки получил в 1906 году после представления самому Императору.

№ 6 – Борис Вадимович Романов. Родился 12 января 1883 года. Его дед, Владимир Павлович Романов (1796–1864), участник кругосветного плавания и морских сражений Русско-турецкой (1828–1829 гг.) и Крымской войн, дослужился до контр-адмирала. Отец, автор повести «Сестра декабриста», умер, когда сыну было всего семь лет. Между прочим, кузеном Бориса был философ В. С. Соловьев. Пять лет мальчик провел в престижной столичной гимназии Карла Мая (обучение велось на немецком языке, много внимания уделялось изобразительному искусству), затем по прошению вдовы в 1898 году его приняли в 6 класс Училища правоведения. Казалось бы, жизненный путь пролегал очень далеко от кавалерии. Но оказывается, по линии матери в роду баронов Меллер-Закомельских было немало славных генералов. В конной гвардии какое-то время служил и дядя, брат матери, барон Владимир Владимирович Меллер-Закомельский, миллионер, совладелец нескольких уральских металлургических заводов. Его пример, видимо, и привел Бориса Романова в 52-й драгунский Нежинский полк. На фронте вольноопределяющийся Борис Романов не отсиживался в штабах, а нес службу на передовой: ходил в разведку, участвовал в боях на реке Шахэ и под Мукденом, за что и получил награды.

№ 8 – Всеволод Несторович Аннибал (в газете ошибочно указано В. Ганнибал). Родился 11 марта 1882 года. Выпускник Императорского училища правоведения. В данном случае усматривается семейная преемственность, поскольку отец его, статский советник, служил мировым судьей в Виленском округе. Воевал Всеволод храбро, но, к сожалению, рано погиб – 29 сентября 1904 года в сражении на реке Шахэ.

В. Н. Аннибал

№ 9 – Георгий Аркадьевич Лонгинов. Родился 21 апреля 1883 года. Тоже окончил ИУП. Его отец, действительный статский советник Аркадий Васильевич Лонгинов, был Председателем департамента Одесской Судебной палаты, поэтому начальные классы Георгий прошел в престижной Ришельевской гимназии. Но вот оплачивать учебу в Училище правоведения отцу, несмотря на его высокое положение, было, как видно из переписки, очень непросто, ведь приходилось поднимать еще двух сыновей и дочь. Кстати, Аркадий Васильевич был не только юристом. В свободное время он, выпускник Александровского лицея, славившегося сильной филологической подготовкой, изучал «Слово о полку Игореве» и опубликовал ряд научных статей об этом литературном памятнике. Помимо всего, он являлся членом-корреспондентом Московского археологического общества (с 1893 г.). Под конец жизни стал тайным советником. Сын его Георгий часто болел: то брюшным тифом, то двусторонним плевритом, то глаз повредит. Короче, учеба для юноши была сплошным мучением. А вот движение добровольцев его, видимо, захватило – и он вместе с товарищами попросился в драгунский полк. Воевал, кстати, неплохо: вместе с полком участвовал в набеге на Инкоу, затем проявил себя во время сражения у Сандепу и под Мукденом. Откуда же знание лошадей и навыки верховой езды? Из Интернета выяснилось, что его дядя, Виталий Васильевич Лонгинов, брат отца, был известным коннозаводчиком в Тверской губернии. Вероятно, Георгий иногда проводил у него каникулы.

№ 10 – Подпись гласит, что это Г. Струве. Фамилия в России известная, но о самом этом молодом человеке сведений найти не удалось. Он не упоминается ни в «Дневнике военных действий 52-го драгунского Нежинского полка», ни в полевых книжках, ни в послевоенных статьях о боевых делах полка, ни в наградных списках.

Справа на фотографии расположилась группа из трех молодых людей. Если присмотреться, на груди у каждого – знак Александровского лицея. Это же подтверждает и подпись под снимком. Стоит граф Кирилл Канкрин, сидит в папаше Алексей Хрипунов, а рядом с ним, крайний справа, Владимир Уваров. Каждый из них достоин небольшого рассказа.

№ 11 – граф Кирилл Иванович Канкрин. Род Канкриных не очень древний, но достойно послуживший России. Наиболее известен Егор Францевич Канкрин (1774–1845), генерал от инфантерии, министр финансов России в 1823–1844 годах (возведен в графское достоинство в 1829 году). Будучи генерал-интендантом русской армии в 1812–1814 годах, он обеспечил ее продовольственное снабжение, добившись при этом многомиллионной экономии средств, спасшей страну от финансового дефицита. Генеалогические сайты в Интернете вносят неразбериху, уверяя, что Кирилл родился во втором браке камергера графа Ивана Викторовича Канкринина. Внести ясность в этот вопрос помогли документы из архива (ЦГИА СПб). Прежде всего, отмечу, что на титульном листе «Дела воспитанника Графа Кирилла **Канкринина**» сверху имеется запись: *Родился 9 Марта 1883 г.*

Ниже идет строка: *Поступил в Лицей в Сентябре м. 99 г. в V класс.*

А затем указаны и его родители. Мать – графиня Мария Александровна, первая супруга графа И. В. Канкринина (она умерла в 1887 году, после чего граф женился во второй раз). Несколько слов о старых архивных документах, хранящих свидетельства родительской отваги и родительского горя. При поступлении на военную службу молодых людей, достигших 21 года, учитывать мнение их родителей не требовалось. Большинство добровольцев из Александровского лицея уже перешагнули этот возрастной порог. Тем не менее, лицейское начальство, поскольку шла война, решило перестраховаться и затребовало письменное согласие от родителей. За две недели до совершеннолетия сына, 23-го февраля 1904 года, камергер граф Иван Викторович Канкрин написал директору лицея:

Граф К. И. Канкрин

«...Считаю своим долгом уведомить Ваше Превосходительство о том, что я не только не воспротивился этому патриотическому побуждению моего сына, но и благословил его на служение Государю и Отечеству».

Высокопоставленный отец даже и не помыслил, чтобы отправить сына в какое-нибудь тихое, безопасное место. Такие драматичные моменты в судьбах позволяют лучше понять людей ушедшей эпохи.

На фронте графа Кирилла Канкрина возьмет себе в ординарцы подполковник барон К. Г. Э. Маннергейм. В феврале 1905 года во время рейда дивизиона младший унтер-офицер граф Канкрин будет легко ранен в левую ногу, а через несколько дней, в разведке у деревни Фынзантун (написание в наградных листах – Фенцзятунь), шальная пуля сразит его наповал. Подробности можно найти в моей книге «Барон Маннергейм в 52-м драгунском (18-м гусарском) Нежинском полку». В настоящей работе этому эпизоду тоже уделено внимание, правда, рассказано в более сжатом виде.

№ 12 – Алексей Степанович Хрипунов. Родился 14 июля 1882 года в Елецком уезде Орловской губернии. Отец, Степан Иванович Хрипунов, умер в 1891 году. Вдове пришлось одной поднимать четырех сыновей и дочь. Все четыре брата Хрипуновых – Степан, Николай, Алексей и Дмитрий – окончили Александровский лицей, причем Алексей – блестяще. В аттестате у него по всем 23 предметам стоит “отлично”. И как итог – золотая медаль № 2. Почему № 2? Да потому, что № 1 получил гениальнейший Фёдор Аркадьевич Корнилов, который отправился на войну вольноопределяющимся в 1-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Алексей Хрипунов числился в 1-м эскадроне 52-го драгунского Нежинского полка, но его, толкового и дисциплинированного, сразу заприметило начальство – и он быстро оказался ординарцем в штабе бригады, а потом и в штабе XVII-го корпуса. Одним из первых его представили к солдатскому Георгию 4-й степени: «За мужество и храбрость, оказанные при передаче приказаний в бою 19 и 20 августа 1904 г.». В прапорщики запаса он будет произведен первым из своего выпуска, Высочайшим приказом от 28 октября 1905 года.

№ 13 – Владимир Сергеевич Уваров. Родился на Волыни 23 ноября 1881 года. Отец, действительный статский советник, гофмейстер Сергей Аполлонович Уваров, скоропостижно скончался во время приезда в Санкт-Петербург в декабре 1900 года. Для девятнадцатилетнего лицеиста это было потрясением. Его дальнейшую учебу нельзя назвать блестящей, но через три с половиной года аттестат Александровского лицея был получен. Правда, прежде возникла

идея отправиться с друзьями на фронт. Его мать 1 марта 1904 года отправила директору лицея такую записку:

«На выраженное моим сыном, Владимиром Уваровым, желание поступить по окончании им курса в Лицее на военную службу, в армию, я даю свое согласие».

На фронте Владимир Уваров проявил себя смелым воином, за что и был удостоен двух солдатских Георгиевских крестов – 4-й и 3-й степеней. На его долю выпадет тяжкая обязанность: сопровождать в Мукден тело убитого однокашника – графа Кирилла Канкринина. И года не прошло, как друзья, сдав выпускные экзамены, вместе отправились в Елец, где сфотографировались рядом на память... Следует заметить, что в дальнейшем судьба Владимира Уварова будет тесно связана с полком. Когда разразится Первая мировая война, он, тогда уже председатель Новоград-Волынской уездной земской управы, отправится на фронт в составе Нежинцев (к тому времени полк станет именоваться 18-м гусарским). Не все документы военной поры сохранились. Тем не менее, из уцелевших приказов видно, что Владимир Уваров, будучи прапорщиком, в конце 1914 года смело сражался в Галиции, за что и получил два ордена – св. Станислава и св. Анны, оба 3-й степени с мечами и бантом. Был произведен в корнеты со старшинством с 5 декабря 1914 года (ВП от 4 апреля 1915 г.). По службе продвигался стремительно, словно наверстывая упущенное время, и к концу 1916 года он уже штаб-ротмистр. К наградам прибавился орден св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а также Св. Станислава 2-й степени с мечами. В феврале 1917 года он числился в 1-м эскадроне прошедшего переформирования полка. При этом он часто подменял командиров 2-го и 3-го эскадронов во время их болезни или отсутствия. Вот таким оказался этот скромный паренек с фотографии.

Архивные документы позволяют в деталях проследить, как выпускники престижных столичных учебных заведений в короткое время превратились в драгун. Сохранилось письмо дежурного генерала Главного штаба А. З. Мышлаевского директору Александровского лицея А. П. Саломону (от 3 апреля 1904 г.) о разрешении зачислить нескольких воспитанников лицея, на правах вольноопределяющихся, в 52-й драгунский Нежинский полк и в 1-й Восточно-Сибирский стрелковый полк:

«...воспитанников надлежит обязать, по окончании ими курса в Лицее, отправиться в места расположения полков, в которые их разрешено определить, имея при себе удостоверения о своей личности».

Все выпускные экзамены были сданы в конце апреля. А 29 апреля директор Александровского лицея посылает генералу А. З. Мышлаевскому пакет с сопроводительным письмом, в котором пишет:

«...имею честь представить при сем документы на окончивших курс в Лицее Евгения Зноско-Боровского и Федора Корнилова, определяемых в 1-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.

Что касается документов на оканчивающих курс Лицея Графа Кирилла Канкринина, Владимира Уварова и Алексея Хрипунова, то документы эти препровождены непосредственно к командиру 52 Драгунского Нежинского полка».

Письмо № 1623 (от 18 мая 1904 г.) из Ельца, от полковника П. А. Стаховича, уведомляет о получении документов графа Кирилла Канкринина, Владимира Уварова и Алексея Хрипунова. Именно в этот день, 18 мая, они и были зачислены рядовыми в полк. В лицей уведомление поступило 24 мая, о чем есть пометка в верхнем левом углу, под входящим № 154. Так что, думается, молодые люди очутились в Ельце во второй половине мая, как, собственно, и

предписывало распоряжение Главного штаба. Обучение драгунскому делу было коротким. В послужных списках записано, что в поход против японцев они выступили 11 июня 1904 года, то есть отправились с первым эшелоном.

Разумеется, на рассмотренной газетной фотографии запечатлено далеко не всё пополнение из вольноопределяющихся. Очевидно, только подопечные корнета Фёдора Хакольского. Известно, что были еще и другие добровольцы: Генрих Аппель, барон Альфонс Буксгевден, Михаил фон Гельфрейх, Борис Мостовой, Николай Нитче, граф Николай де-Рошефор (полный список – в приложении 2). Нет полной ясности, когда и откуда каждый из них прибыл. Следует только заметить, что, к примеру, Николай Кветон и Константин Хренников были уроженцами Ельца.

6. В пути

Из Ельца эшелоны с Нежинцами отправились в северном направлении, а достигнув станции Узловая, повернули на восток и двинулись по Сызрань-Вяземской железной дороге. По этой же линии двигались и эшелоны 51-го драгунского Черниговского полка (они из Орла доехали до Тулы и там повернули). Проследовали Ряжск, Моршанск, Пензу, Сызрань. В «Дневнике военных действий 52-го драгунского Нежинского полка» о пути на фронт в июне-июле 1904 года нет никаких подробностей. Поэтому, чтобы почувствовать атмосферу этой долгой и непростой дороги, следует обратиться к «Дневнику из времен Русско-Японской войны» священника Черниговцев о. Митрофана (Сребрянского). На страницах этого дневника встречаются порой и Нежинцы.

«12-ое июня... На станциях стоим страшно подолгу... Солдаты на стоянках резвятся, как дети: кувыркаются, рвут цветы, траву, украсили свои вагоны древесными ветвями, как в Троицын день...»

Но, наконец, тронулись и разогнались:

«Кругом мелькают деревни, церкви, поля, леса, равнины. Хлеба плохи; погода прохладная, дождь; мы оделись во все теплое...»

«15-ое июня. Утро. Приехали в Сызрань... Встретили эшелон Нежинского полка и с ним принца персидского...»

Несомненно, имеется в виду подполковник принц Али Кули Мирза, который ранее служил в Черниговском полку и был, как следует из примечания к этому фрагменту, очень расположен к о. Митрофану, хотя являлся, разумеется, магометанином.

Эшелоны проследовали Самару, Бугуруслан, Уфу. Начались предгорья Урала. Вот еще несколько путевых зарисовок:

«17-ое июня... Проехав Ашу, мы буквально замерли от восторга. Все высыпали к окнам; мы боялись потерять мгновение: начался переезд Уральских гор. Едем по берегу быстрой горной речки Сим между огромных гор и скал...»

На следующий день, рано утром, проследовали Златоуст, а затем и станцию Уржумка, чуть восточнее которой находится гранитный обелиск «Европа – Азия». Отсюда начинается долгий извилистый спуск железной дороги по восточному склону Урала в сторону Сибири. В тот же день прибыли в Челябинск. Вот небольшая зарисовка:

«Господи, что здесь творится на военной платформе! Прямо столпотворение вавилонское. Собралось шесть эшелонов наших да столько же 52-го Нежинского полка. Масса лошадей поставлены прямо около платформы целой кучей; все привязаны к временным веревочным коновязям; ржание, визг, крики солдат на лошадей, масса оружия, седел, фуража, солдат, офицеров; все суетятся, спрашивают, кричат. Бедного коменданта затрепали...»

Жара была более 30 °С. Судя по всему, и в последующие дни зной не спадал: у лошадей случались тепловые удары. Только к вечеру 21 июня разразилась гроза, прошел дождь, и дышать стало легче. 22 июня проехали Омск, 23-го – Каинск. Вдоль дороги потянулись необъятные болота, откуда в вагоны налетали тучи больно жалящих насекомых: мух, оводов, комаров, мелкой мошки. Особенно страдали от укусов лошади. 24-го переехали широкую и глубоко-

кую Обь. На ближайшей станции собралось много эшелонов, долго не принимали. Наконец выгрузились, была объявлена двухдневная стоянка. Еще несколько путевых зарисовок:

«Что творится на коновязях, просто ужас. Две тысячи лошадей собраны вместе... Жара; их кусают слепни; они дерутся, кусаются, ржут... К вечеру выкупали коней, напоили, накормили, спала жара, и понемногу всё утихомирилось...

Идет подполковник 52-го Нежинского полка и говорит: “Советую пойти в баню; здесь рядом, казенная, хорошая”. Вот радость-то! Действительно прекрасная баня, и мы отлично вымылись. Вообще на этом пункте построено несколько огромных каменных зданий в два и в три этажа; в них находятся офицерские номера, солдатское помещение, столовые, офицерские и солдатские бани, лазарет, прачечная. Всё это даром, для отдыха и чистки проходящих войск...»

Судя по всему, упомянутый подполковник – это либо В. В. Нарбутт, заместитель командира Нежинского драгунского полка по хозяйственной части, либо Н. Н. Мирбах, который тоже в основном занимался хозяйственными делами. Этот штрих помогает отследить движение Нежинцев по Транссибирской магистрали. После стоянки в путь тронулись 26 июня. Через три дня прибыли в Красноярск. Военная платформа располагалась на самом берегу Енисея. Всех поразила огромная, длиной в версту, мост над быстрой полноводной рекой. И снова в путь. 1 июля оказались в Нижнеудинске. По пути всё чаще встречались санитарные составы с ранеными и искалеченными людьми. На следующий день драгуны начали готовиться к конному маршу вокруг юго-западной оконечности Байкала. 3 июля прибыли на станцию Иннокентьевская. Выгрузились. Здесь находился воинский остановочный пункт – огромная территория длиной в версту и шириной метров в 300, на которой располагался военный городок с двухэтажными казармами, столовыми и банями. Однако в баню никто сходить не успел, так как, оказалось, уже в 6 часов вечера 51-му драгунскому Черниговскому полку следовало выступить в поход. Вперед выдвинулись трубачи и штандарт. Заиграла музыка – и драгуны отправились в путь. Всё, что касается Черниговцев, нашло отражение в «Дневнике» о. Митрофана. С Нежинцами такой ясности нет. Но, наверно, и они в тот же день, с разницей в несколько часов, двинулись со станции Иннокентьевская. Путь обоих полков 2-й Отдельной кавалерийской бригады, очевидно, пролегал по одному маршруту: перешли по мосту реку Иркут, проследовали до пассажирского вокзала, затем поднялись на высокую гору.

О. Митрофан пишет:

«Спустившись с горы, мы увидели среди леса на лужайке развевающийся флаг, большой стол, накрытый белой скатертью, с винами, закусками. По сторонам стола два костра. Картина дивная! Это уполномоченный великой княгини Елисаветы Феодоровны г. Второв угощал нас. Только около 2 часов ночи, на рассвете, тронулись мы далее в путь. Глаз не пришлось сомкнуть даже на одну секунду».

А что же 52-й Нежинский?

В прибавлении к «Московскому Листку» (№ 263 от 22 сентября 1905 г.) обнаружена любопытнейшая фотография. Подпись: «Угощение, предложенное А. А. Второвым эшелону 52-го Нежинского Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны полка, близ Иркутска». Несомненно, это фотография еще июля 1904 года. И, разумеется, присоединение имени Великой княгини к названию Нежинского драгунского полка – нелепая ошибка. Тут явная путаница с 51-м драгунским Черниговским полком, шефом которого Елисавета Феодоровна, действительно, являлась. Как следует из только что приведенного фрагмента «Дневника» о. Митрофана, Черниговцы добрались до места стоянки уже поздно вече-

ром. И ушли засветло. Время для съемок неподходящее. Но место то самое: есть и флаг, и стол, и коробки с угощениями. Потому уверен: на фотографии, как и подписано, именно Нежинцы, пришедшие или в тот же день, 3-го июля, засветло, или на следующий день, когда солнце вошло. Всякие сомнения отлетают, когда отчетливо видишь кряжистую фигуру Константина Васильевича Дарагана, которую ни с какой другой спутать невозможно. На снимке ротмистр 2-го эскадрона Нежинцев – третий справа.

На привале под Иркутском. 1904 г.

А кто такой А. А. Второв? Александр Александрович был сыном известного сибирского торговца-миллионера Александра Федоровича Второва. Капитал созданного им «Товарищества А. Ф. Второва с сыновьями» в 1904 году превышал 10 миллионов рублей. А. А. Второв, являясь совладельцем фирмы, руководил ее отделением в Иркутске.

2-я Отдельная кавалерийская бригада двинулась от Иркутска по так называемому Большому сибирскому тракту. Через каждые 20 верст имелись станции с большими комнатами для проезжающих и питанием. Тогда на многих участках ускоренными темпами строилась параллельная тракту железнодорожная ветка, направленная к южной оконечности Байкала, к селению Култук. Сквозного железнодорожного движения еще не было.

Путь по горам оказался трудным. Затяжные подъемы, иногда верст по семь, чередовались с крутыми спусками, когда лошадей и повозки приходилось изо всех сил тормозить. О. Митрофан отметил:

«Леса девственны вполне и настолько непроходимы, что к некоторым местам на крутизнах нет возможности пробраться. Да и по сторонам дороги та же чаща; едва сделаешь несколько шагов вглубь, уже должен остановиться – дальше нет возможности двигаться: лежат сваленные ветром огромные сухие деревья, переплетаясь между собой ветвями и какими-то ползучими растениями...»

Впоследствии офицеры Нежинского полка рассказывали, что они видели в этой чаще медведей. Да и местные жители жаловались, что медведи посещают их хозяйства и дают скот.

Первая большая остановка была 4 июля в селе Введенское (Введенщина) на берегу реки Иркут. Тут имелось пять огромных деревянных барачных с нарами для солдат. После отдыха драгуны вновь тронулись в путь, и очередные подъемы оказались так круты, что двуколки приходилось тащить на руках. Заночевали Черниговцы в селении Моты. Полагаю, что и Нежинцы были неподалеку.

5 июля седлать начали очень рано, в 3 часа ночи. Наспех позавтракали – и вновь выступили в поход. Подъемы и спуски оказались еще длиннее и круче, чем накануне. Лошади выбивались из сил, но люди проявляли выдержку и упорство. Ночлег был устроен в селе Глубоком. Вот какая картина представляла перед участниками похода:

«В котловине между гор и на склоне горы расположилось 1800 лошадей, море лошадей и людей; масса костров – точно звездочки; песни... Вдруг всё смолкло: труба заиграла зарю, и понеслась по нашему огромному лагерю священная песнь, молитва...»

6 июля кавалеристы опять встали в начале четвертого часа утра. Пройдя 24 версты по горам, спустились по невероятно крутому склону к станции Култук. Отсюда уже ходили железнодорожные составы. Погрузка большой массы людей и лошадей затянулась. Наконец во второй половине дня эшелоны, один за другим, стали покидать станцию. Дорога пролегла в основном по вырубленным в скалах карнизам: слева – холодные байкальские волны, справа – отвесная каменная стена. Поезда шли со скоростью 10 верст в час, часто ныряя в длинные туннели. 7 июля останавливались в Выдрино, Танхое. Трактиров или хотя бы буфетов тут не водилось, поэтому спешно разворачивались походные солдатские кухни.

8 июля проехали Верхнеудинск. По Забайкальской железной дороге проследовали до Читы (9 июля), отсюда колея поворачивала на юго-восток. В «Послужных списках» ротмистров 52-го драгунского Нежинского полка И. И. Смирнова (1 эскадрон) и А. Д. Дросси (4 эскадрон) в разделе XIV «Бытность в походах и делах противу неприятеля» указано, что они перешли китайскую границу 10 июля 1904 года. В «Послужных списках» других командиров эскадронов (К. В. Дарагана, Н. П. Коломнина, А. Я. Загорского, К.-Б. В. Тупальского), а также штаб-офицеров (командира полка полковника П. А. Стаховича, подполковников В. В. Нарбутта и Н. Н. Мирбаха) указано 11 июля. Очевидно, это соответствует действительности: составы с двумя эскадронами шли по расписанию впереди остальных.

Последним пунктом на российской территории была станция «Мациевская». Затем граница. На китайской стороне первая станция – «Маньчжурия». Отсюда начиналась Китайско-Восточная железная дорога. С большим трудом и огромными денежными затратами строительство КВЖД было завершено только в 1903 году. Как раз к этому времени и подготовка Японии к войне вступила в заключительную фазу.

Офицеры и рядовые драгуны, конечно, обо всех тонкостях политики тогда не задумывались. Для них бесспорны были агрессивные действия Японии, направленные на вытеснение России с ее позиций на Дальнем Востоке. Война представлялась справедливой – ответом на дерзкое нападение.

Из «Дневника» о. Митрофана:

«От ст. Манчжурии стража еще более усилена. Довольно часто расставлены часовые; появляются разъезды пограничников, да везде по линии, на определенном расстоянии один от другого стоят столбы, обмотанные соломой; к каждому такому столбу привязана бутылка с нефтью. В случае появления или нападения где-либо хунхузов, сейчас в таком опасном месте обливают соломой нефтью и таким образом зажигают сигнальный столб...»

Было уже несколько случаев нападений на дорогу и на воинские поезда; поэтому нашим солдатам со ст. Манчжурии розданы боевые патроны, и на ночь назначается дежурная часть...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.